

Сколь часто копировали «Мону Лизу»!
И все равно люди стоят в очереди, чтобы
увидеть оригинал.

Луи Армстронг

*В ночь на 3 мая 1519 года, замок Кло-Люсе,
близ Амбуаза, Турень, королевство Франция*

Темные глаза короля Франциска, восседавшего в резном кресле, внимательно смотрели на стоявшего перед ним мужчину.

— Месье, — произнес повелитель Франции тихим, но грозным голосом, — вас называют лучшим учеником мастера Леонардо, призванного сегодня к себе Господом.

Это был не вопрос из уст короля, а *утверждение*.

Моложавый мужчина, которого умерший мастер Леонардо прозвал, и не без причин, «дьяволенком», то есть Салаино — для друзей Салаи, а для всех прочих синьор Капротти да Орено, склонив перед властителем Франции голову в локонах, почтительно, но не без лукавства ответил:

— Нет, сир, я далеко не лучший. Лучший, вероятно, Франческо. Франческо Мецци, сир. Но я — *любимый* ученик мастера Леонардо. — И тихо добавил: — *Был*, сир.

Мастер мертв, скончался намедни — он был глубоким старче, вёсен без малого семидесяти, и правая рука у него уже несколько лет как отсохла, так что занятия живописью остались в прошлом. Но ум, гениальный, мощный ум самого знающего человека на свете, из-за которого король Франции и пригласил его в свои владения, оставался до последнего вздоха прежним.

— Портрет итальянской синьоры он завещал вам, месье.

И снова не вопрос, а утверждение из королевских уст. Салаи вновь поклонился.

— Вы, как всегда, правы, сир. Франческо получил по завещанию мастера Леонардо все, чем тот обладал, а мастер был богат. Я же, бедный дьяволенок, только портрет синьоры Моны...

Он лукавил, как часто в своей жизни, из-за чего мастер Леонардо и дал ему это прозвище. Портрет синьоры Моны Лизы, над которым мастер Леонардо работал, пока был в состоянии, стал любимым произведением своего творца, с которым тот не расставался.

И завещал он его своему любимому ученику.

— Продай мне его.

Опять утверждение, а не вопрос или, тем более, просьба: короли *никогда* не просят.

Густые брови короля Франциска грозно сошлись над переносицей, и Салаи понял: монарх желает во что бы то ни стало заполучить портрет синьоры Моны Лизы, любимое произведение мастера Леонардо. И, по его мнению, самое удачное.

— Сир, — произнес, склоняясь еще ниже, Салаи. — Тело мастера Леонардо еще не предано земле...

Он замолчал — молчал и король. И было что-то грозное и пугающее в этом молчании, прерываемом только тихим потрескиванием факелов на каменных стенах замка.

Салаи, зная, что спорить с королем себе же во вред, тем более что он — его заложник, в замке, полным вооруженной свиты Франциска, добавил:

— Мастер Леонардо оставил мне портрет синьоры Моны Лизы, и я бы счел святотатством противиться его воле...

Франциск резко встал из кресла: его пышные одежды зашуршали.

— Ты отказываешь *мне*? — произнес он скорее удивленно, чем раздраженно, но Салаи отлично

знал: в любой момент на него мог обрушиться беспощадный гнев повелителя Франции.

— Сир, как можно противиться вашим желани-ям... — Салаи выпрямился и дерзко посмотрел ко-ролю в глаза, не отводя взгляда.

Мастер Леонардо был прав: портрет синьоры Моны Лизы — лучшая его работа. И, следователь-но, лучшая из всех картин, созданных людьми. И раз он хотел, чтобы она досталась ему, его любимому «дьяволенку», то так тому и быть.

— Но мне надо время, чтобы подумать, сир...

Глаза отвел король, который, покидая зал, на ходу бросил:

— Подумай, Салаи, хорошенько подумай над моим предложением. Заплачу щедро, *по-королевски*, так что не прогадаешь.

Ну да, а ведь мог бы просто отобрать.

Король вышел, Салаи, выждав, последовал за ним, но стоявшие в дверном проеме стражники скрестили алебарды, не пропуская его.

Франциск — уже на лестнице — не оборачива-ясь, изрек:

— Ты хотел времени, чтобы подумать, — так что думай, Салаи! А пока будешь думать, продать ли мне портрет синьоры Моны, никуда не отлучайся. Когда примешь решение, скажи страже, они мне доложат.

Салаи, посмотрев на алебарды стражников, по-нял, что он в западне: Франциск хотел получить си-ньору Мону Лизу — и в итоге он *получит* ее.

Пятьсот с чем-то лет спустя

Лиза

— ...Ну и, конечно, «Мону Лизу»! — завершила свою тираду Лиза и поцеловала Степу в нос. — Как же без нее!

Степан, усмехнувшись, привлек к себе девушку и, целуя и в нос, и в лоб, и в щеку, со смехом ответил:

— Понимаю, какая поездка в Париж без Лувра и какое посещение Лувра без «Моны Лизы». Но, Лизок, я ведь ее уже видел, и не раз!

Девушка, и не думая вырваться из объятий своего молодого человека, а в скором будущем — и мужа, ответила с наигранной обидой:

— Ну да, ты-то в Париже уже в который раз? В *третий*?

— В четвертый... — охотно подсказал ей Степа, и Лиза, скорчив смешную рожицу, которая, однако, удивительно подходила к ее подвижному, веснушчатому, окаймленному рыжими локонами личику, протянула:

— Ну вот, видишь! В *четвертый*! И это в свои-то двадцать три года...

— Скоро в двадцать четыре! — заявил солидно Степан.

Лиза с хохотом возразила:

— Не скоро, а через целых пять месяцев! Ну да, ты ее видел, но я-то нет! Или ты не хочешь, чтобы я ее *увидела*?

— Останешься разочарованной, Лизок. Небольшой зальчик, забитый чуть ли не под завязку туристами, в последние годы в основном китайскими, у каждого из которых в руке по два смартфона. Шансов приблизиться к стене, на которой висит «Мона Лиза», у тебя изначально нет. К тому же это в нашем воображении большой портрет, а на самом деле маленькая такая картинка. К тому же защищенная пуленепробиваемым стеклом, в котором отображаются все эти толпы туристов, а с недавних пор еще и отгороженная особыми перилами, которые держат всех зевак на почтительном расстоянии от шедевра Леонардо. Мы топчемся на пороге зала, увидим что-то темное, в массивной раме, за отбрасывающим блики стеклом, вот и все. Ты уверена, что ради этого стоит идти в Лувр? Может, займемся в Париже *чем-то более приятным*?

Последующие минут двадцать, если не все *тридцать*, они и в самом деле занимались чем-то *гораздо более* приятным. Наконец Лиза, легонько оттолкнув от себя ненасытного друга и будущего супруга, поднялась с большущего дивана, стоявшего в гостиной, и подошла к прикрытому ставнями высокому окну.

— Вот это да! — воскликнула девушка, раздвинув шторы и открыв ставни. — Это же настоящий Париж!

Степа, мурлыкая, подошел к Лизе со спины и, щекоча ей поцелуем затылок, произнес:

— Ну да, мы ведь, Лизок, с сегодняшнего утра в *Париже!*

А вид был в самом деле потрясающий: серо-белые, словно в дымке, особняки, на углу — прелестное кафе, где в плетеном кресле восседал пожилой господин с красным шарфом вокруг шеи и в чудном черном баскском берете, неторопливо почитывая газету и попивая из небольшой чашечки кофе, чуть дальше — ювелирный магазинчик, из которого выходила пожилая, облаченная, несмотря на теплую сентябрьскую погоду, в шубу из сказочного черно-белого зверя пожилая мадам, державшая в одной руке (сплошь в золотых браслетах) поводок, к которому была прикреплена крошечная, противная и наверняка злобная собачонка, а в другой (сплошь в драгоценных перстнях) — диковинный длиннющий мундштук с курившейся сизо-бирюзовым дымом сигаретой. Даму, наверняка важную и богатую клиентку, провожал тощий, затянутый в мышинового колера униформу сотрудник, державший в руках ворох пакетов.

А над ними, где-то совсем недалеко, — импозантная громада древней церкви.

Все как в изготовленном крутым агентством рекламном ролике про идеальный, вероятно, *никогда в реальности не существовавший* Париж.

Внезапно мизансцена изменилась, и откуда-то сбоку на улицу вывернули не меньше двух десятков

шумных, аляповато одетых туристов, конечно же *китайских*, которые едва ли не наперегонки бросились занимать свободные кресла в кафе.

Вздохнув, Лиза повернулась к Степе и произнесла:

— Значит, в Лувр *не* пойдём? И «Мону Лизу» *не* увидим?

— Ну конечно же, пойдём! И увидим твою тезку, Лизок! Только не сегодня — сегодня же вторник, а Лувр по вторникам закрыт. Но точно — завтра!

Лиза, повеселев, взъерошила непослушные темные кудри Степы:

— Ну, раз так, то самое время продолжить заниматься в Париже кое-чем *гораздо более приятным*.

Благо что гигантский диван был под боком.

* * *

— ...Так ты не сказал, во сколько в итоге нам обошлась аренда! — произнесла Лиза, поднимаясь на четвертый этаж по изящной, словно кружевной лестнице их парижского жилища на рю Франсуа Мирон, в квартале Сен-Жерве, неподалеку от станции метро «Сен-Поль».

Этот вторник в середине сентября, начавшийся в Москве, завершился, точнее, с учетом того, что уже давно перевалило за полночь, уже *завершился* в Париже.

— И не скажу! — произнес, зевая, Степа. — Потому что это мой тебе подарок, Лизок! Вообще-то в свадебное путешествие в Париж отправляются *после* свадьбы, но у нас, как ты сама знаешь, все шиворот-навыворот, поэтому мы сделаем это *до!*

Поднявшись на нужный этаж, они подошли к высоченной черной лакированной двери. Степа, продолжая зевать, попробовал нащупать ключи в заднем кармане джинсов.

— Потерял! — охнул он вдруг, а Лиза, беспечно махнув рукой, ответила:

— День был такой чудесный, что его ничего не испортит. Значит, переночуем в парижском подъезде. Ну, или к соседям на ночь напросимся...

Девушка хихикнула.

Шампанское, которого она, вероятно, все же перебрала во время их дивной прогулки по «Городу любви», давало о себе знать.

Подойдя к соседней двери, Лиза положила палец на кнопку звонка и, сдвинув брови, произнесла:

— Ну что, проситься на ночлег или ты свяжешься с владельцем квартиры? У тебя ведь номер имеется. Кстати, во сколько она обошлась, ты сказал?

Степан ничего такого не сказал, потому что упорно держал глухую оборону, явно не желая выдавать сведения о том, сколько же он заплатил за шесть дней и пять ночей в этой шикарной старинной парижской квартире с двумя ванными комнатами с мозаичным полом, роялем в гостиной и кроватью с балдахином с наполеоновскими вензелями.

Ну, и прочими, быть может, несуразными и нелепыми, явно излишними, но *такими приятными* буржуазными мелочами.

— Вспомнил! Ты же сама у меня их забрала и положила к себе в сумочку! — воскликнул Степа, и Лиза поняла, что он прав.

В этот момент раздался пронзительный звонок, и девушка поняла, что по неосторожности все-таки нажала на кнопку звонка чужой квартиры.

Лиза и Степа переглянулись, а потом наперегонки бросились к своей двери.

— Ну давай же! — торопил молодой человек девушку, искавшую ключи от парижской квартиры в своей крохотной сумочке, висевшей у нее на плече. — А то сейчас дверь откроется и...

Лиза, отыскав наконец ключи, извлекла их, однако так неловко, что они с грохотом упали на каменный пол.

— Сейчас же почти три утра! Ну, или *ночи*. Думаешь, кто-то откроет?

Степа, прижав ее к себе, вдруг произнес:

— Видишь полоску света? Это кто-то зажег в коридоре свет!

Сердце у Лизы вдруг забилося быстро-быстро. Ну подумаешь, ненароком совершила глупую выходку, явно недостойную двадцатитрехлетнего системного аналитика в одном из частных банков. *С кем не бывает!*

В особенности если в первый раз очутилась в Париже со своим будущим мужем.

Извинится, если кто-то откроет дверь. Не так это и ужасно...

В этот момент за дверью соседской двери вдруг что-то глухо стукнуло — как будто на паркетный пол свалилось что-то металлическое и массивное.

А потом полоса света под дверью исчезла.

Лизе вдруг стало *страшно*.

Степан, быстро подняв ключ, ловко воткнул его в замочную скважину, отомкнул дверь и, увлекая Лизу за собой, прошептал:

— Не нравится мне все это...

И, прикрыв дверь, повернул ключ в замке два раза.

Лиза, прижимаясь к Степе, ощущала его учащенное дыхание и, зная, что ее будущий муж — большой поклонник фильмов ужасов, еле слышно проронила:

— А что, если там обитает... *не человек?*

Степа, который прильнул к дверному глазку, ответил:

— Все может быть! Опять свет зажегся!

И до них снова донесся звук тяжелого, хоть и приглушенного на этот раз двумя дверьми удара.

Лиза, прильнув к Степану, прошептала:

— Может, человеку нужна помощь? Может, он на стойку с зонтиками налетел и перевернул ее, а виновата в этом я? Может, там человек с ограниченными физическими способностями живет, а мы над ним издеваемся, как уличные хулиганы...

— А может, вовсе и не человек, — произнес Степан уже не шепотом, а вполне обычным голосом, но от этого внушавшим трепет в *гораздо большей степени*. — Читал я рассказ у кого-то из малоизвестных «ужастов» о том, как молодая семья въехала в такую вот квартиру, а напротив них обитал странный, никогда не выходивший из своего логова сосед. А когда он однажды в полнолуние все же покинул свое убежище, выяснилось, что он...

Степан смолк, а потом снова шепотом произнес:

— Дверь на несколько сантиметров приоткрылась! И свет снова погас...

Лиза, цепко державшаяся за его локоть, вдруг ощутила, как молодой человек начал дрожать.

Или ей это *показалось*?

Да, наверняка показалось: Степа же никогда и никого не боялся!

И *ничего* тоже?

Потому что, могло стать, тот, кто обитал за дверью это парижской квартиры, позвонить в которую ее в самый глухой час ночи словно черт дернул, был не из категории *некто*. А из категории *нечто*.

Вот именно: *черт дернул*.

— Дай посмотреть! — заявила девушка, вдруг понимая, насколько нелепо, более того, истерично было их поведение. Разбудили какого-то парижанина, по всей видимости, пожилого, быть может, не совсем здорового, а теперь еще фантазируют бог весть что, представляя его — ну, или *ее!* — каким-то сказочным монстром.

Или монстром *вполне реальным*?

Литературные и кинематографические предпочтения Степы Лиза не разделяла, не понимая, что такого можно находить во всех этих зомби, живых мертвецах, чудищах из глубин океана или далеких галактик и азиатских девушках с невымытыми волосами и нестриженными ногтями, которые нападают на своих жертв, выползая на карачках из экрана телевизора.

Она предпочитала старые добрые классические детективы, а также авантюрно-приключенческие романы о поисках затерявшейся святыни или гениального шедевра.

— Ну что? — Степа потеревил ее за плечо, явно и сам желая взглянуть на то, что разыгрывалось в коридоре.

Но в том-то и дело, что *ничего* не разыгрывалось. Степан был прав: дверь была немного приоткрыта, однако свет за ней снова погас.

— Ничего нет... Ложная тревога... — произнесла девушка, у которой отлегло от сердца. Ей стало неловко за их со Степой подростковые выходки.

Нет, не подростковые даже, а *детские*.

— Надо хотя бы извиниться, а не прятаться! — сказала она и решительно повернула ключ в замке.

Степа, вцепившись ей в руку, причем пребольно, зашептал с побелевшим лицом:

— Нет, не открывай! Это прямо как в рассказе! Там героиня тоже мужа не послушалась, вышла, а то, что обитало в соседской квартире, но уже не в человеческом виде, а в виде оборотня, бросилось на нее...

— Ты мне *не муж!* — сказала Лиза, сразу же пожалев об этих словах, которые прозвучали весьма жестко и колко.

Да, не муж, но ведь они собирались пожениться! Но если так, то почему Степа не говорит ей, во сколько обошлась парижская квартира? Он буквально бредил тем, чтобы платить за все *самому*. Может, какие-то женщины и были бы этому крайне рады, в особенности если бы будущий муж за собственный счет увез их в Париж и поселил в шикарной съемной квартире. Какие-то, но *не она*.

Она *и сама* была в состоянии заплатить.

Даже когда на рю Риволи она хотела купить и Степе, и себе сладкой ваты, он буквально оттолкнул ее от тележки, уже вручая продавцу купюру и не беря сдачи.

Да, многие о таком друге, более того, муже мечтают.

Но мечтает ли *она*?

— Не открывай! — крикнул Степа, навалившись на дверь, а Лиза тихо произнесла:

— Ты делаешь мне больно, Степа.

В таком состоянии она его еще не видела. Он что, *боится*?

А ведь и в самом деле — боится! Господи, неужели человек, которого она любит и с которым решила в ближайшее время связать себя брачными узами, верит во всю эту белиберду, которую сочиняют разнообразные «ужасные» романисты и сценаристы?

Похоже, *да*.

И как она этого раньше *не замечала*. Или *не хотела* замечать?

— Елизавета, я повторяю... — начал Степан, а это означало, что он крайне разозлен: ее полное имя, а не шутливо-интимное «Лизок» он употреблял до сих пор только однажды, во время их единственной ссоры.

До поездки в Париж единственной.

Хотя речь там шла о совершенно иной материи, но в итоге все сводилось к тому же: чья точка зрения важнее — его *или* ее.

Например, относительно того, стоит ли ей после свадьбы сразу же беременеть и бросать работу. Ведь он, видный программист, зарабатывал, несмотря на свои неполные двадцать четыре года, более чем солидно.

Наверное, не только для Москвы, но и для Парижа. Впрочем, может, даже и *в обратной последовательности*.

Да, воззрения у Степы, которого Лиза любила без памяти, были более чем консервативные. Против детей она ровным счетом ничего не имела, но почему именно сейчас, когда в ближайшие года два-три решится, сможет ли она подняться по карьерной лестнице?